

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ В ПОСТСТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД (1953–1964 гг.)

The National Policy and Interethnic Relations in Kazakhstan in the Post-Stalin Period (1953–1964)

*С. Ш. Казиев (S. Kazyev)*¹

¹ кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева (Ph.D. of History, Senior Lecturer of the History and Social-Humanitarian Disciplines Department at the North Kazakhstan State University named after M. Kozybayev). E-mail: sattarkaz@mail.ru.

Статья посвящена изменениям в советской национальной политике в первое десятилетие после смерти Сталина. На примере Казахстана автор показывает попытки союзного руководства найти новые подходы для урегулирования назревших проблем в национальных отношениях. В значительной степени эти подходы заключались в возвращении к практике консенсуса с титульными элитами ряда союзных республик (Украина и Узбекистан), получавших преференции и территориальные приращения за счет соседних РСФСР и Казахстана. В Казахстане целинная эпопея привела к преобладанию славянского этнического компонента, что создавало возможности ликвидации национальной государственности в контексте проводимой Хрущевым политики стирания границ между республиками. Жесткий конфликт Хрущева и казахских руководителей способствовал отказу от планов грандиозных территориальных изъятий из состава республики. Союзное руководство столкнулось с необходимостью соблюдать негласный консенсус с союзными республиками, включавший их территориальную целостность.

Ключевые слова: казахи, национальная политика, целина, Д. А. Кунаев, Н. С. Хрущев, национализм.

The article is devoted to some changes in the Soviet national policy, which took place in the first decade after Stalin's death. For this purpose, the author shows attempts of the Soviet Union leaders to find new approaches to solving urgent problems in the field of national relations taking into account the experience of Kazakhstan. These approaches were usually focused on the practice of consensus with the title elites of a number of the Union Republics (Ukraine and Uzbekistan), which received preferences and territorial increments at the expense of the neighboring RSFSR and Kazakhstan. As a result, the virgin epic in Kazakhstan led to the predominance of the Slavic ethnic component that created possibilities of national statehood elimination in the context of Khrushchev's policy to erase borders between Republics. Due to the rigid conflict between Khrushchev and Kazakh leaders there were no more imminent threats against the territorial integrity of the Republic. Hence, the Union leaders felt the necessity to have an unspoken consensus to abide with the Union Republics under the rules of which they should respect their territorial integrity.

Keywords: Kazakhs, national policy, virgin, D. A. Kunayev, N. S. Khrushchev, nationalism.

Советская национальная политика в первое десятилетие постсталинского времени (1953–1964) представляет значительный интерес. После смерти Сталина открылись широкие возможности для пересмотра опыта строительства социализма в СССР и начался поиск новых подходов в национальной политике. Новые лидеры страны в поисках урегулирования национальных проблем первоначально обращались к опыту первой половины 1920-х гг. Ревизия сталинского курса сопровождалась риторикой партийных верхов о возвращении к истокам подлинного «ленинизма» и критикой

предшествующего периода истории советского общества. Но ни Берия, ни Хрущев, ни впоследствии Брежнев не ставили под сомнение незыблемость и правильность ленинско-сталинской концепции «ограниченного суверенитета» советских этнонаций, предлагая свои варианты «гармонизации» межэтнических отношений в СССР.

Существует мнение о большом вкладе Берия в либерализацию внутренней жизни советского общества и подготовке им реформирования управления страной. В пользу этой версии говорит принятое Президиумом ЦК КПСС постановление, в соот-

ветствии с которым республиканские партии должны были возглавляться местными товарищами, а «не русским, присылаемым из Москвы» [Кокурин, Пожаров 1996: 133–135]. Эстонский историк Т. Таннберг признает успехи бериевской либерализации национальной политики в сферах, связанных с замещением властных структур союзных республик национальными кадрами и внедрением местных языков в официальное делопроизводство, делая оговорку о наличии у Берия своих расчетов [Таннберг 2010: 160]. В настоящее время трудно сказать, насколько серьезными были намерения Берия в сфере демократизации общества и свертывания сталинской линии в национальной политике.

После своего утверждения у власти Н. С. Хрущев продолжил генеральную линию в национальной политике, поощряя партийные элиты ряда союзных республик. Существенного успеха добились этнические номенклатуры Украины и Узбекистана, сумевшие не только продвинуть своих представителей в ЦК КПСС, но и получить серьезные территориальные приращения за счет соседних РСФСР и Казахстана. В 1954 г. Крым был передан в состав Украины. В январе 1956 г. курортный Бостандыкский район и часть Голодной степи были включены в состав Узбекистана.

Либерализация национальной политики и практика поощрения этнических элит союзных республик достигли пика к концу 1950-х годов. Безудержный оптимизм Хрущева основывался на вере в скорое наступление безнационального коммунизма, в котором будут стерты границы между национально-государственными образованиями. Хрущев понимал национальную государственность титульных наций как *modus vivendi*, принятый большевиками с целью укрепления единства страны, находящейся в международной изоляции. Но для этнических элит основы национальной политики, провозглашенной Лениным и реализованной Сталиным, были незыблемы. Первое открытое столкновение Хрущева с национальными элитами произошло зимой 1958–1959 гг. В Азербайджане и Латвии пошла на прямой конфликт с союзным центром, проигнорировав одобренный большинством делегатов 12 декабря 1958 г. новый закон «О связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». В этих республиках в июне 1959 г.

были приняты постановления об обязательном изучении госслужащими азербайджанского и латвийского языков, с последующей обязательной сдачей экзаменов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 83. Д. 504. Л. 125].

Трения с национальными элитами вынудили вернуться к испытанным методам подавления национализма в союзных республиках. Летом 1959 г. в Азербайджане, Латвии и Узбекистане были проведены партийные чистки и смещены руководители республик. Смена ориентиров национальной политики прошла в Казахстане в ином аспекте — сопровождалась сменой прежнего республиканского руководства и пересмотром отношения к вопросам территориальной целостности Казахстана.

На сентябрьском 1953 г. Пленуме ЦК КПСС Хрущев добился одобрения целинной кампании в Казахстане и Южной Сибири. Сомнения в необходимости освоения столь масштабного освоения целины выразил В. М. Молотов, предложивший вкладывать ресурсы в подъем Нечерноземья [Чуев 2002: 416–417]. Партийный лидер Казахстана Шаяхметов скептически отнесся к хрущевской политике подъема целины, заметив, что создание зернового хозяйства будет вестись за счет упадка животноводства в республике [Olcott 1995: 226]. На IX Пленуме ЦК КПСС (5–6 февраля 1954 г.) казахстанские руководители были освобождены от занимаемых должностей. Хрущев на Пленуме обратил внимание на политическую «незрелость» секретарей ЦК КП Казахстана (Ж. Шаяхметова и И. И. Афонова) и членов республиканского бюро. На посты первого и второго секретарей ЦК компартии Казахстана были назначены приезжие П. К. Пономаренко и Л. И. Брежнев.

Новый глава республики на мартовском Пленуме сделал резкие выпады в адрес прежнего руководства. Пономаренко заявил: «Товарищи оказались в плену отсталых настроений, которые в Казахстане еще среди кое-каких работников сельского хозяйства коренятся. Они говорили, что распашка целинных и залежных земель приведет к нарушению интересов коренного казахского населения, так как лишает выпасов скот» [Цит. по: Зеленин 1998: 112–113]. Пономаренко подверг резкой критике казахстанских ученых-почвоведов за их критику распашки целины, обвинив их в национализме. Академик А. А. Никонов вспоминал: «Пономаренко, бывший тогда первым

секретарем ЦК КП Казахстана, сетовал на казахских ученых-почвоведов, обвиняя их в «национализме» за то, что они представили «вредительскую» почвенную карту республики, из которой следовало, что не всю целинную площадь можно осваивать под пашню. Не знаю, что сделали с этими учеными, но земель непригодных подняли много, вызвав взрыв пыльных бурь и возникновение очагов опустынивания» [Никонов 1991: 8].

Местные областные партийные лидеры также подверглись атаке за недостаточное рвение в реализации хрущевской программы. В течение трех последовавших за февральским Пленумом ЦК КПСС месяцев были отстранены от своих постов все шесть прежних областных руководителей целинных областей [Olcott 1995: 226]. Освоение целины привело к массовому притоку населения из европейской части страны. К 1964 г. в Казахскую ССР прибыло более 2 млн. человек. Основная часть приезжих была из РСФСР (69,3 %), Украины (21,3 %) и Белоруссии (4,3 %) [Котов 2001: 77].

Целинная эпопея кардинально изменила этнический состав населения республики, в первую очередь в северных областях. Снижение удельного веса казахов имело политические последствия. В январе 1959 г. в рамках новой кадровой политики первым секретарем партийной организации Казахстана был избран Д. А. Кунаев, Председателем ВС Казахской ССР — Ф. Карибжанов и Председателем Совета Министров Казахской ССР — Ж. А. Ташенев. Казахскому руководству вскоре пришлось столкнуться с давлением центра по поводу территориальных изъятий из состава Казахстана.

Союзное руководство в течение 1960–1970-х гг. неоднократно предпринимало усилия по изменению административно-территориального устройства Казахстана. В 1960 г. постановлением ЦК КПСС был создан Целинный край в составе пяти целинных областей, находившийся в двойном подчинении — Москве и Алма-Ате. Казахские руководители не без оснований рассматривали введение краевого деления как попытку последующего территориального расчленения республики. В декабре 1960 г. по настоянию Хрущева с поста Председателя Совета Министров Казахской ССР был снят Ж. А. Ташенев, воспротивившийся передаче целинных областей в состав РСФСР и части территории Южного Казахстана в состав Узбекистана.

Казахстанское руководство во главе с Кунаевым в 1962 г. было вынуждено оппонировать попыткам Хрущева передать соседним Туркменской и Узбекской ССР Мангышлак, где велись разработки нефтяных месторождений, и хлопкосеющие районы Южного Казахстана. Политика Хрущева активно поддерживалась узбекскими руководителями. 21 января 1956 г. было принято Постановление ВС Казахской ССР о передаче Узбекской ССР Бостандыкского района и части Голодной степи общей площадью более млн га. В 1961 г. узбекские лоббисты добились передачи более 420 тыс га в Южном Казахстане [Белан 2008: 108–112]. В декабре 1962 г. руководство Южно-Казахстанского крайкома партии по предложению Хрущева инициировало передачу Узбекистану трех хлопкосеющих районов площадью более 1 млн га.

С учетом двойного подчинения Целинного края и попыток Хрущева включить промышленную Карагандинскую область в подчинение партийной организации Чимкентской области Средазбюро ЦК КПСС [Кунаев 1994: 153–154] угроза разгосударствления Казахстана была вполне реальной. Д. А. Кунаев в своих воспоминаниях передает подозрения казахских руководителей в отношении планов союзного руководства: «Хрущев пытался быстрее провести свою идею о будущем стирании границ между республиками» [Кунаев 1994: 154]. Об том же говорит и его конкурент И. А. Юсупов, который, по его словам, не желал руководить национальной республикой, однако услышал возражения Хрущева: «Мы строим коммунизм, так что у нас скоро не будет ни национальностей, ни границ между республиками» [Цит. по: Шимырбаева 2004: 4].

М. И. Исиналиев отмечает умелую политику Кунаева, сумевшего расстроить планы Хрущева по разгосударствлению Казахстана. Исиналиев пишет: «В начале освоения целины, когда на севере Казахстана по решению центра создали новое административное деление — Целинный край, к руководству которым были привлечены посланцы Москвы, проницательный политик Д. А. Кунаев в этом узрел не только желание конкретного руководства из Москвы процессом освоения целины, но и далеко идущие цели Н. С. Хрущева через некоторое время распорядиться как своей вотчиной и одним росчерком пера отсечь лакомую хлебную и промышленную часть

Казахстана. Председатель Совета Министров Республики Ж. Ташенев, осмелившийся открыто высказаться против этих намерений, был немедленно освобожден от работы и, по существу, «выслан» в Шымкент без возврата.... Д. А. Кунаев добился, чтобы краевые управления были созданы на юге и западе Казахстана, хотя он прекрасно понимал, что это надуманные, не нужные и лишнезатратные чиновничьи аппараты. Но зато сбалансировал положение, чтобы все административные центры работали через Алма-Ату и на целине не было особого статуса правления, с возможным последующим выделением этой территории из Казахстана» [Исиналиев 2003: 119].

Строптивный Кунаев, указывавший на опасность возникновения межэтнического конфликта в случае территориальных изъятий из состава Казахстана, был заменен в декабре 1962 г. руководителем партийной организации Чимкентской области, уйгуром Юсуповым, поддерживавшим передачу трех хлопкосеющих районов и казахстанской части Голодной степи соседней республике. В интервью казахстанским журналистам Юсупов отрицает свою заинтересованность в передаче казахстанских земель и ставит себе в заслугу сохранение за Казахстаном полуострова Мангышлак [Шимырбаева 2004: 4].

Хрущеву и узбекским руководителям после отставок Ташенева и Кунаева удалось добиться территориальных изъятий из состава Казахстана Кировского и Пахта-Аральского районов Чимкентской области с общей земельной площадью 956 тыс. га, а также 1554 тыс. га пастбищных земель Чимкентской области и 1150 тыс. га Кызыл-Ординской области, находящихся в долгосрочном пользовании Узбекской ССР [Белан 2008: 114]. После смещения Хрущева казахская элита взяла реванш, добившись, благодаря поддержке Брежнева, отстранения от власти Юсупова, отправленного руководить Уральским облисполкомом. Из двух представленных кандидатур, Кунаева и Джандильдина, Пленум ЦК Компартии Казахстана, местные кадры «предпочли национально ориентированного технократа Кунаева национальному нигилисту Джандильдину» [Галиев и др. 1994: 38]. Часть переданных территорий была возвращена Казахстану благодаря поддержке Брежнева, руководившего ранее республикой.

Этническая принадлежность руководителей республик в советском обществе символизировала статус титульной нации. Этнизация аппарата в республиках, проводившаяся с согласия первых руководителей страны, способствовала возрождению конкурирующих с официальным советским проектом формирования новой исторической общности — советского народа — проектов собственного этнонационального развития. Подобная протекция по этническому признаку стала возможной благодаря Брежневу, придерживавшемуся принципа: «Живи и дай жить другим». В отличие от революционного Ленина, прагматически настроенного архитектора советской социальной инженерии Сталина и реформатора Хрущева Брежнев избрал политику консенсуса с национальными элитами [Ruwkin 1994: 182, 184].

Условно можно выделить прибалтийско-закавказскую, центрально-азиатскую и украинскую модели национального развития. Первая модель предполагала использование общесоюзных ресурсов для последующего восстановления национального государства (Грузия, прибалтийские республики) или же воссоздание древней государственности с присоединением территории соседей (Армения). Украинская модель предполагала блокировку русификации и поощрение культурного этнонационализма с опорой на знание родного языка и родной истории. Реализация центрально-азиатской модели опиралась на идеологию советизма и модернизма. Национальные лидеры и культурная элита Центральной Азии понимали огромную роль Советского государства в историческом прогрессе местных народов. В Казахстане Д. А. Кунаев, как и его коллеги в союзных республиках, осторожно содействовал усилению влияния казахской части партийного и государственного аппарата, не вступая в конфликт с союзным центром и используя личную дружбу с Л. И. Брежневым [Кунаев 1994: 254–255].

С возвращением Кунаева к руководству республикой органы госбезопасности зафиксировали рост «националистических проявлений» в среде казахской молодежи и интеллигенции. В одной из докладных записок Председателя КГБ при Совете Министров СССР В. Семичастного, направленной 3 декабря 1965 г. в ЦК КПСС, обращалось внимание на рост национализма среди казахской молодежи. В докладной

записке отмечалось, что наряду с обычными групповыми столкновениями имели место выражения открытого протеста против повсеместного насаждения русского языка и выдвижения на руководящие посты лиц некоренной национальности [ЦХСД. Ф. 89. Оп. 6. Д. 29. Л. 3].

Кунаев и его окружение были в то же время осторожны и не вступали в конфликты с союзными инстанциями, в первую очередь с могущественным военно-промышленным комплексом, использовавшим атомные полигоны в Семипалатинской и Гурьевской областях, космический комплекс Байконур. Практически все руководители союзных республик Центральной Азии опасались поднять перед союзным руководством проблему высыхающего Аральского моря. Казахские руководители исправно выполняли распоряжения союзных властей по внедрению русского языка, закрывая казахские школы и газеты на казахском языке.

Осторожной и зависимой от генеральной линии власти была в те годы и интеллигенция Центральной Азии. Интеллигенция не потребовала от власти поиска конкретных виновников репрессий в Казахстане, хотя уже были известны персоны высокопоставленных писателей и поэтов, предававших своих товарищей по перу на расправу. Эти деятели культуры и ветераны госбезопасности препятствовали в 1960–1970-е гг. публикации творческого наследия выдающегося казахского поэта XX в. Магжана Жумабаева, Ахмеда Байтурсынова, Шакарима и других репрессированных писателей, поэтов, историков [Allworth 1990: 389].

Отсутствие национальных движений в Центральной Азии было связано с удовлетворенностью местного населения и элитных групп целями и результатами советской национальной и социальной политики. Казахские русские и советская власть в эти годы терпимо относились к сохранению обычной традиционной религиозной практики казахов и проявлений клановых идентичностей, рассматривая эти явления не как проявления политического протеста, а как показатель силы традиций [Olkott 1983: 540]. М. Б. Олкотт на казахском примере показывает корректирующую роль возвращенных советским режимом этнонациональных элит, заставлявших союзный центр отказываться от планов, иду-

щих вразрез с официальной интернациональной идеологией. Современные казахи, пишет М. Б. Олкотт, «в колхозах и совхозах Казахстана в основном довольны слиянием прошлого и настоящего. Возможная угроза исходит от казаха, покинувшего аул и рассматривающего кочевое прошлое как романтический период родной истории, обусловившей его самобытность. Этот казах является сформировавшимся и сознательным советским гражданином, являвшимся свидетелем борьбы казахского истеблишмента за определение себя как казахского советского гражданина, являющегося коммунистом, но одновременно остающегося казахом. Однако вызов Центру не является оппозицией. Это вызов людей, воспринявших официальную риторику как заявления о намерениях и пытающихся заставить режим действовать согласно продекларированным целям советской национальной политики в ее первоначальном понимании» [Olkott 1983: 544].

В многочисленных публикациях тех лет Казахстан по праву назывался «лабораторией дружбы народов». В значительной степени взаимная межэтническая толерантность и доверие были основаны на длительном партнерстве русских и казахов, на глубоком проникновении в сферу общения русского языка и распространении двуязычия, на реальных культурных интерференциях. Лишь в брачно-семейных отношениях у казахов и у других мусульманских народов Центральной Азии существовали жесткие запреты на браки с представителями других народов. В то же время в первое постсталинское десятилетие обозначились границы «политически дозволенного», пересечение которых союзными властями вызывало негативную реакцию казахской элиты и большинства казахов. Это касалось территориальных границ и государствообразующего статуса казахского народа. При этом казахи отчетливо представляли достижения своего народа, ставшие возможными благодаря покровительственной политике Советского государства, и были верны своей стране.

Источники

- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
Центр хранения современной документации (ЦХСД).

Литература

- Белан П. С.* Границы Казахстана: краткая история формирования. Алматы: Тарих тағылымы, 2008. 156 с.
- Галиев А. Б., Бабакумаров Е., Жансугурова Ж., Перуашев А.* Межнациональные отношения в Казахстане: этнический аспект кадровой политики. Алматы: Ин-т развития Казахстана, 1994. 63 с.
- Зеленин И. Е.* Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 – начало 60-х годов) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 109–122.
- Исиналиев М. И.* Димеке // Исиналиев М. И. Избранные труды. Т. 1. Алматы: Казгурт, 2003. С. 117–127.
- Кокурин А. И., Пожаров А. И.* «Новый курс» Л. П. Берии // Исторический архив. 1996. № 4. С. 132–164.
- Котов В. И.* Народы союзных республик СССР. 60–80-е годы. Этнодемографические процессы. М.: ИРИ РАН, 2001. 277 с.
- Кунаев Д. А.* От Сталина до Горбачёва. Алматы: Санат, 1994. 352 с.
- Никонов А. А.* В заложниках у политики // Наука и общество. 1991. № 11. С. 3–15.
- Таннберг Т.* Новый курс Л. Берии по подавлению движения сопротивления в Прибалтике и Западной Украине весной 1953 г. // Tuna: Спецвыпуск по истории Эстонии с XVII по XX век / сост. Т. Таннберг, О. Раун. Тарту–Таллинн, 2006. С. 192–210.
- Чуев Ф. И.* Полудержавный властелин. М.: Олма-Пресс, 2002. 736 с.
- Шимырбаева Г.* Исмаил Юсупов: Моя совесть перед народом Казахстана чиста // Казахстанская правда. 2004. 21 апреля. С. 4.
- Allworth E.* Central Asia, 130 Years of Russian Dominance: A Historical Overview. Durham: Duke University Press, 1994. 650 p.
- Olcott M. B.* The Kazakhs. Stanford, Calif: Hoover Institution Press, 1995. 388 p.
- Olcott M. B.* Pastoralism, Nationalism and Communism in Kazakhstan // Canadian – American Slavic Studies. Salt Lake City, Utah, 1983. Vol. 17. № 4. P. 528–544.
- Rywkin M.* Moscow's Lost Empire. N-Y: M. E. Sharpe Incorporated, 1994. 248 p.